

стрируемого глагола *glebtī 'долбить' (ЭССЯ 6, 133), так же как и *globa, *globъ 'клин'.

Ср. с тем же значением, что и *(g)lebeza, польск. globidło (Варшавский словарь I, 842).

Примечания

- ¹ Потебня А. А. Этимологические заметки. — РФВ VII. Варшава, 1886, 68.
- ² Зеленин Д. К. Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губ. — Сб. ОРЯС, 76, 82.
- ³ О праслав. *zatętъ см.: Трубачев О. Н. Рец. на кн.: Български етимологичен речник, св. VIII. София, 1971. — В кн.: Этимология 1972. М., 1974, 178—180.
- ⁴ Меркулова В. А. И.-е. *ten- 'тянуть, натягивать, плести' в славянских языках. — В кн.: Этимология 1975. М., 1977, 52—64.
- ⁵ О сербохорватском гворило см.: Петлеся И. П. Этимологические заметки по славянской лексике III. — В кн.: Этимология 1973. М., 1975, 47—49.
- ⁶ Меркулова В. А. Украинские этимологии. I. — В кн.: Этимология 1973. М., 1975, 55—58.
- ⁷ О полесском стубла см.: Меркулова В. А. Восточнославянские этимологии I. — В кн.: Этимология 1979. М., 1981, 8—9.
- ⁸ Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, 224—225.
- ⁹ Название реки Стугна имеет несколько этимологий. М. Фасмер связывает Стугну с глаголом стыгнуть 'стынуть' (Фасмер II, 786), К. Мошинский — с праслав. *sъtъga 'лента' или с украинским глаголом стуgniti 'грешить' (Moszyński K. Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Kraków, 1957, 177—178). Но ср. названия рек Колода, Колодна, Кринична, Криниця (Словник гідронімів України. Київ, 1979, 263, 289—291).
- ¹⁰ Петлеся И. П. К вопросу о g-протетическом в славянских языках. — В кн.: Этимология 1976. М., 1978, 51—55.
- ¹¹ Дзендерівський Й. О. Українсько-західнослов'янські лексичні паралелі. Київ, 1969, 41.

Т. В. Горячева

К ЭТИМОЛОГИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

В статье анализируются восточнославянские метеорологические термины, зафиксированные в каком-либо одном говоре, языке. Почти все они еще не этимологизировались, и этимология их затруднена. Поэтому представляется правомерным указание для каждого слова нескольких этимологических версий. Возможно, при дальнейшем исследовании рассматриваемых слов какие-то из версий отпадут совсем, а какие-то получат дополнительное подтверждение.

вётля

Название гололедицы *вётля* записано в брянских говорах составителями Брянского областного словаря с таким объяснением информанта: «*вётля* — морозить, дошть и слизка» (Брянск. словарь II, 50), и приведено в статье О. Б. Кукушкиной с замечанием, что эти-

мология слова затемнена, и оно, очевидно, «не активно в брянских говорах»¹.

Поиски славянских соответствий слова *вётля* ‘гололедица’ ни к чему не привели; доступный нам балтийский материал не дал возможности утвердительно ответить и на вопрос о заимствовании.

При анализе русского диалектного материала обращает на себя внимание значение псковского глагола *ветить* ‘погружать в воду’ (?), представленное наряду со значением ‘попадать в цель’ (Псков. словарь III, 125). Это слово представляется этимологически неясным. Если предположить, что *ветить* ‘погружать в воду’ и *ветить* ‘попадать в цель’ не связаны между собой и являются омонимами, то *ветить* ‘погружать в воду’ можно сблизить с *вётля* ‘гололедица’. Если при этом обратиться к семантической типологии названий гололедицы, то в тех же брянских говорах есть название *обливень*², ср. укр. диал. (полесск.) *бл'ивен'*, *обл'ва*, *аблівáха*, *верхавбдка*, *слизбта*, *слізен'* (Никончук 119–120), блр. диал. *вбліў* ‘лед, которым при гололедице покрываются деревья; гололедица’ (Юрчанка 53).

Может быть, и *вётля* ‘гололедица’ и *ветить* ‘погружать в воду’ можно возвести к предположительному ираслав. корню *vet- в значении *‘влажный, мокрый’, который далее восходит к и.-е. *wet- (< и.-е. *au(e)*-, ср. также *aqed*, *aqer-* ‘смачивать, увлажнять, течь’)? К этому же и.-е. *wet- восходит англо-сакс. *wadēm* ‘волна’, др.-исл. *unnr*, *udr*, pl. *unnir* ‘unda’ др.-сакс. *āthia*, *ādia*, англо-сакс. *ȳd*, др.-в.-нем. *unde* ‘волна, прилив’ (Рокорну I, 80). Здесь же, впрочем, Покорный признает, что образование от этого корня *wet- не найдено больше ни в одном из индоевропейских языков (Там же). Далее, слово *вётля* могло бы быть родственно также др.-исл. *vātr*, англо-сакс. *wæt*, англ. *wet* ‘мокрый, промокший’ и т. д., и, наконец, лит. *vanduō*, слав. *вода* (Там же).

Не ограничиваясь, впрочем, этой трактовкой происхождения слова *вётля*, мы обратились к другой попытке его этимологизации. При этом может быть принято во внимание такое название гололедицы, как астраб. *зачерепица* (Филин 11, 174). Ср. также синонимы *кора*, *череп*, даваемые В. И. Далем при объяснении значения слова *гололéдъ(ица)* (Даль³ I, 917). Таким образом, *вётля* может трактоваться как ‘замерзшая коркой влага’. Поэтому можно попытаться связать наше слово с колым. якут. *ветно* ‘сухая пища’, которое в свою очередь связано, вероятно, со словом *ветхий* и может быть реконструировано как **vetxъpъjъ*. Интересно значениепольск. *wiotszeć* (минералогическое) ‘утрачивать влагу на сухом воздухе, покрываться мутной и непрозрачной оболочкой (плёнкой), и потом превращаться в массу плохо спрессованную или же вообще рассыпаться в порошок’ (Варшавский словарь VII, 625). Ср. также в брянских говорах *вётлы* ‘дряхлый, разрушающийся’ (Брянск. словарь II, 50).

баячиться

В. И. Даль приводит глагол *баячиться* с пометой безличн., в значении 'собираться тучам к дождю; болоснить, замолаживать, пасмурнеть, хмуриться', без ударения, указания места и со знаком вопроса к слову (Даль³ I, 143).

Если это не описка вместо *бáлчиться* в аналогичном значении, то слово можно попытаться проэтимологизировать, тем более, что оно еще никем не исследовалось.

Поиски соответствий в других славянских языках приводят нас к польск. диал. *bajaczyć się* 'видеть во сне, грезить, мечтать в мыслях как в сказке' (Sl. gw. p. I, 2, 279), ср. далее *bajać się* 'о сонных мечтах, грезах' (там же, 280) с.-хорв. *бáјити* 'спать; убаючивать' (PCA I, 250), словац. *bájíť* (*si*) 'предаваться снам, иллюзиям, грезить; думать о ком, или о чем с печалью' (SSJ I, 66), восходящие к праслав. **bajati* / **bajiti* 'говорить'.

В русских говорах у глаголов *баять*, *баить* представлены в основном значения 'говорить', 'ворожить', у волог. *обáять* — значения 'заговорить, одурачить' «ЦигАне-то обAют вас»³. Очевидно, у продолжений праслав. **bajati*, **bajiti* возможен семантический переход: 'говорить' → 'дурачить, туманить голову' → 'усыплять, погружать в грэзы'. У тех же продолжений возможно соседство, если не переход значений 'спать, грезить' → 'туманиться, покрываться облаками (о погоде)'.

Индоевропейским языкам известно в одних и тех же этимологических гнездах соседство значений 'облако' и 'сон'. Так, В. А. Меркурова приводит в подтверждение этому такие примеры, как ирл. *néall* 'облако' и 'обморок', лит. *blandà* 'туманная погода' и 'сон', авест. *znaθra* 'облако' и соответствующее ему лит. *snáudžii* 'сплю', добавляя сюда же еще рус. *хmара* 'облачность, предгрозовое состояние' и 'сонливость, бессилие'⁴. Кроме того, например, для и.-е. корня **meig-* ею в обобщенной форме сформулированы значения слов, относящихся к его второму значению 'становиться темным' следующим образом: 'становиться пасмурной (о погоде)': 'туман; мелкий моросящий дождь; облако, туча' и 'находиться в состоянии затменного сознания' (о человеке: 'дремота, забытье; сон; обморок')⁵.

О. Н. Трубачев, разделяя *bajati* I 'говорить' и *bajati* (*se*) II 'тлеть, мерцать' [(в.-луж. *bać so* 'незаметно гореть, тлеть' (Pfuhl 4), н.-луж. *bajas se* 'тлеть, мерцать' (Muka I, 11)], тем не менее говорит о родственности двух групп на индоевропейском уровне, выводя все из синкретической ономатопеи (ЭССЯ 1, 140). Значение рус. *баячиться* 'собираться тучам к дождю' и польск. диал. *bajaczyć się* — 'видеть во сне, грезить, мечтать в мыслях как в сказке' вполне могли бы быть выведены также из значения 'мерцать'. Ср. с семантической точки зрения относящиеся к и.-е. **mer-* 'блестеть, сверкать' рус. диал. *tar* 'солнечный жар; сон', наряду с укр. *mryuj* 'туманный, темный, затхлый' (Pokorný I, 733). Ср. также относящиеся к и.-е. **meig-* 'мерцать, мигать; становиться темным' праслав. **migati*

‘мелькать; сверкать’, **тьза* ‘дремота, забытье’, **тьзити* ‘дремать’ и т. д.⁶

| Не исключается, впрочем, и другая этимологическая версия рус. *баячиться*: связь с глаголом *бояться*, возможно, от незасвидетельствованного ***bojakъ* в неясном значении. Ср. в качестве семантической параллели кашуб. диал. *str'ašnki plt.* ‘дождевые облака’ (Sychta IV, 173), а также *strašnosć* ‘непогода, слякоть, холод’, *strašnota* то же (там же, 174). Интересно также, что у синонима рус. *боязнь* — укр. *страх* есть значение ‘приведение, призрак’ (Гринченко IV, 213), ср. кашуб. диал. *strąšk* ‘видение, являющийся призрак, дух, обман зрения; бледный огонь’ (Sychta IV, 173). У незасвидетельствованного постулируемого ***bojakъ* могли быть аналогичные значения, т. е. ‘привидение, призрак’, т. е. то, что видится неясно, туманно. Отсюда могло быть и *баячиться* ‘собираться тучам к дождю’.

шлёнка

В забайкальских говорах Элиасовым записано слово *шлёнка* в значении ‘самая ранняя щуга’. Здесь же приводится контекст: *Шлёнка* прошла, и стали неводить (Элиасов 464). Это слово не встречается в других диалектных словарях русского языка и других славянских языков и еще никем не этимологизировалось.

Здесь сразу же следует отговорить возможность отнесения забайкаль. *шлёнка* к глаголу *шляться*, который восходит, согласно Соболевскому, к **sъljati sъ*, связанному со *слать* (Фасмер IV, 456). Ср. относящееся сюда же киров. *вшленьки* ‘рысью, трусцой’ (Филин 5, 243). То есть, может быть, имеется в виду мелкий лед, ранняя щуга, которая движется, проходит. См. контекст: *Шлёнка* прошла, и стали неводить, приведенный выше.

Ближе всего, однако, на наш взгляд, к этому слову стоит урал. *слён*, астрах. *слень* ‘твёрдая слизь в роде прозрачной кожи, которую рыба покрывает на зиму. Красная рыба на зиму ложится пластами, ярусами в омыты (ятёвья), как бы на спячку, и в это время покрывается сленом’ (Даль³ IV, 248). Даль связывает это слово со словом *слюна* (там же), Миклошич, со слизь, *слизкий*; Фасмер же считает, что это ступень *чредования* по отношению к *слина* ‘слина’, «возможно, **слынь* или **слънь* (ср. также *глень*, из которого это слово могло быть преобразовано под воздействием слов на *сл-*)» (Фасмер III, 669). По мнению В. Б. Силиной (устное сообщение), *слень* может быть связано с глаголом *слеть* ‘не тлеть, не таять, а маяться, неожиться в пару, в сыром тепле или преть, потеть под солнцем’ (Даль³ IV, 276), этимология которого, реконструкция **sylēti* (к и.-е. **kel-* ‘мерзнуть, холодный; теплый’), а также связь со *слота* были предложены мною⁷. К этому же глаголу *слеть* можно отнести еще и смол. *потслётые* ‘пахтанье, полученное при перетапливании масла’⁸ (а также, вероятно, курск. *аслёток* (*аслёток*) ‘полный, тучный ребенок; бутуз, обреуток, обрюоток’ — Даль³ I, 68): здесь — **слетье*, очевидно, масло, которое перетапливают, а *потслётье* — сыворотка, (пахтанье), полученное при его перетапливании.

В заключение следует оговорить *ш-* в аиляуте слова *шлёнка* вместо предполагаемого *с-*. Такая мена хорошо известна:ср. смол. *шлёмень* 'слизень' (Добровольский 1004), наряду со *слемень* то же в тех же смоленских говорах; псков., твер. *шлюз* 'слякоть' (Даль IV, 1454), при твер. *слюзь* 'качество зимней погоды во время оттепели' (там же, 277), а также *шлётча* 'слякоть, снег с дождем, дрябня' (Даль³ IV, 1455), из **slęča*, далее к *слёткоть* (Фасмер IV, 457).

чанцы

Это слово в значении 'сумерки' приводит Добровольский в контексте: У коляды вечером говорят: «Время работать бросать, чанцы садятся по углам» (Добровольский, 977).

Слово *chanцы* не известно другим говорам русского языка, а также прочим славянским языкам, еще не этимологизировалось. Здесь сразу же следует заметить, что это может быть аллегорным сокращением слова *чернецы*, тем более, что оно существовало в значении 'мрак, сумерки' в смоленских же говорах (Добровольский, 982), ср. укр. *ченці* 'монахи' из *чернеці* (Гринченко IV, 458). Сокращение по типу, например, смол. *кстинный* 'относящийся к крестинам, крестинный' (Филин 15, 373).

Не исключая возможности объяснения слова *chanцы* из *чернецы*, можно предположить и другую версию его происхождения. В этой связи представляет интерес инжегор., семипал. *приchanуть* 'прилечь уснуть, задремать' (Даль³ III, 1199); -*chanуть* в *приchanуть* может быть отождествлено с -*chanуть* в префиксальном псков., твер., остат. *почануть* 'почать, начать' (Дополнение к Опыту 208), которое далее восходит к праслав. **četi* 'начать'. Ср. также сербохорв. диал. *отчёнути* 'начать ломать (о грани, о стебле какого-либо крупного растения)'⁹, сербохорв. *čeniti* 'разрывать' «allein nur in der Fluchtformel *vrag te čeni tè lo čeni...*»¹⁰.

Значение 'драний', может быть, засвидетельствовано и в относящемся сюда же колым. *чáный* (от **četi*): *чáному и драному* 'кому попало' (Богораз 155). Ср. также сербохорв. *нàчёти, нàчнём* 'начать; надкусить, надгрызть; подточить (о болезни)'; *начела га је болест* 'болезнь его подточила' (Толстой³ 295); олон. *расконуть* 'ушибить, поранить'. Мужика медведь *расконул* (Куликовский 99). Праславянскому **konati* (/*četi*) известны значения 'умирать, мучиться': ср. укр. *конáти* 'умирать, кончаться, отходить; мучиться' (Гринченко II, 277), рус. диал. (волог., псков.) *конáть* 'кончать, уничтожать, сжигать со свету, мучить, терзать', курск., смол. 'умирать, кончаться' и т. д. Интересно значение словац. диал. *konať* 'утомлять, преодолевать, пересиливать': *sen mi koná* (Kálal 254). Ср. рус. *дрёма долит*.

Значения 'дремать, спать' и 'болеть, приходить к уничтожению', 'умирать' совместимы в одном этимологическом гнезде, у одного и того же глагола: ср. с.-хорв. *drámiti* (**drēmiti*) (ЭССЯ 5, 109) 'ныть, болеть', рус. диал. *дремáть* 'неметь, терять чувствительность (о руках, ногах)' «Ноги пирисидии, ани и дремлют» (Мордов. словарь 2, 34). В гнезде и.-е. **mer-* 'растирать, тереть, уничтожать' (**mer-k-*) со-

седствуют др.-инд. *marká* 'смерть', авест. *təgəxš* 'гибель, разрушение', армян. *morg* 'юный, нежный' и лат. *murcidus* 'ленивый, сонный';ср.-в.-нем. *morgen* 'сонный' (Pokorný I, 737); ср. также в гнезде и.-е. **lē(i)-* 'ослаблять, уменьшать' — лат. *lētum* 'смерть, уничтожение' и лтш. *lē-lis* 'сонный человек' (Pokorný I, 666), сюда же арханг. *лиять* 'дремать или кунять, хотеть спать'¹¹.

Название *чанцы* 'сумерки', возможно, образовано от *-chanúť*, представленного в приведенном выше *приchanúť* 'прилечь, уснуть, задремать'; ср., может быть, с семантической точки зрения др.-рус. *влягомо* и *влягоми* в значении 'поздно вечером; в то время, когда ложатся спать': Тотъ днь весь идоша оли до ночи Кърачеву и сташа не дошедше Корачева, и бысьте *влягомо* и приде им вѣсть ис Корачева, оже Стославъ со приятели, оже Изяславъ Мъстиславич идеть на инь (Ипатьевская летопись, 1146 г.). И погорѣ весь Псковъ и церкви священныя, а загорѣлося *влягоми* в суботу к недѣли (Псковская летопись I, 1466 г. — СлРЯ XI—XVII в. 2, 229). Ср. также рус. диал. *до лягова* 'до вечера' (Филин 17, 255). Интересны также употребления типа укр. *облягати* 'о ночи: наступать' (Гринченко III, 16).

Можно также предположить развитие значения 'смерть, конец жизни' → 'сумерки (закат)' (ср. приведенные выше значения праслав. **konati* и значения праслав. **konъ* 'конец жизни, смерть'). Ср. липец., ворон. *замирание солнышка* 'затмение солнца' (Филин 10. 247).

укр. *бóвкун*

М. О. Онышкевич в Словаре бойковского диалекта фиксирует слово *бóвкун* в значениях 'удар волн; туча' и 'клуб дыма'¹². Это слово проэтимологизировано О. А. Могилой как метафора к укр. *бóвкун* 'вол, запряженный в одиночку'; в качестве семантической параллели он приводит рус. диал. *бычкі* 'дождевые облака'¹³.

Кроме значения 'вол, запряженный в одиночку', в украинских говорах слово *бóвкун* имеет еще значения 'ярмо для одного вола'¹⁴, а также 'большой сноп камыша (очерету)' (ЕСУМ I, 218), 'коромысло, каким носят наполненные ведра на двух плечах' (Лисенко 34). Составители Украинского этимологического словаря считают слово неясным, приводя также мнение Шаровольского и Циоранеску об образовании слова *бóвкун* от рум. *bóbi* (молдав. *bóbu*) 'вол', а также мнения Фасмера и Кравчука — об образовании при помощи *об-* от основы глагола *волокти* (ЕСУМ I, 218—219). В белорусских говорах *байкун* записано в значении 'ярмо', при фиксации этого слова составителями Словаря белорусских говоров северо-западной Белоруссии и ее границы дается ремарка: ср. лит. *baikė* 'лоб', *baikýs* 'гололобый' (Слойн. паўн.-заход. Беларусі 1, 174).

Нам кажется, что укр. *бóвкун* 'туча' следует отделять от *бóвкун* 'вол и т. д.' и что эти лексемы можно считать омонимами, так как значения их расходятся, особенно, если принять во внимание значение *бóвкун* I 'удар волн; клуб дыма'.

Наряду с *бóвкун* в значениях 'удар воли; туча; клуб дыма' Опынкевич приводит *бóвкоти* 'вспененные, разбросанные волны', которое реконструируется как **błkotъ* и объясняется как звукоиздражательное (*Słownik prasłowiański I*, 283). Кажется вероятной связь *бóвкун* I и *бóвкоти* ввиду близости их значений. Интересно, что в Украинском этимологическом словаре приводится слово *бáвкун* 'место в речке, где сильно бьет вода', причем предполагается связь с *бóвч* 'яма в устье речки', ст.-польск. *bełk* 'водоворот' (ЕСУМ I, 107).

Таким образом, *бóвкун* I непосредственно связано со звукоиздражательными глаголами — продолжениями праслав. **bъlkati* (< **bъltati*), такими, как рус. диал. *болкать*, *болкнуть* 'болтать, болтнуть; молвить глупое слово невпопад' (*Болкнулось, сорвалось словечко. — Даль³ I, 269*); *болкать* 'делать движения из стороны в сторону или взад и вперед' (Деулинский словарь 62), калин. *болкать* 'болтать, взбалтывать жидкий корм при еде (о животных)' (Калинин. словарь, 33), сев.-двин. *бáлкать* 'качать в колыбели ребенка' (Филин 3, 77), укр. *бóвкати* 'звонить отрывисто: ударять (в колокол)', 'говорить необдуманно' (Гринченко I, 78), польск. *bełkać* 'болтать' (*Wiatr bełcze morze. — Варшавский словарь I, 113*), ст.-чеш. *belkám et belci -ati* 'мутить, размешивать' (Jungmann I, 91) и т. д. Сюда же, возможно, укр. диал. *шубóвкнуть*, *щубóвкнуть* 'неожиданно упасть в воду, погрузиться в вязкую массу' (Лисенко 236), блр. диал. *шчабóўкнуцца* 'плюхнуться'¹⁵, а также с.-хорв. *bûk* 'водопад' (*Sławski I, 30*) и блр. диал. *бóўкацца* 'ковыряться, копаться' (Тураўскі слоўнік I, 76).

Возможно, была лексема **bъlkъ* 'облако, туча'. В этой связи получает иное (не от слова *облако*) объяснение блр. диал. *набоўкнуць* 'нахмуриться (о погоде), собраться облакам' (На небе нешта *набоўкла* пэ́уна січас будаіць дождж. — Бялькевич 272), смол. *набблкішій* 'покрывшийся облаками', *набблкаваць* 'тучится, небо покрывается и затягивается облаками' (Добровольский 429), сюда же, возможно, блр. диал. *бóвчытыс* 'смотреть исподлобья, коситься, бычиться'¹⁶. Это подтверждает также семантический переход 'болтать, мутить' → 'пасмурнеть (о погоде, состоянии человека)'.

балáмчик

В псковских говорах записано слово *балáмчик* в значении 'небольшое кучевое облако' (Вишь, нёбо *балáмцыкам*, облакá, нёбо не прázное. — Псков. словарь I, 99). Слово еще не этимологизировалось. Ясно, что здесь мы имеем дело с уменьшительным производным от незасвидетельствованного **балáм* 'облако', которое, может быть, родственно тверск. *баламá* 'непостоянный, пустой и болтливый человек' (Филин 2, 71). Тверск. *баламá* объясняется О. Н. Трубачевым как усеченное к *баламут* то же и восходящее к глаголу **balamqtiti*, членому на **bala* и **mqtiti* (ЭССЯ 2, 146). Рус. диал. (смол.) *баламúтить* значит: 'мутить' (Добровольский 21), 'мутить, делать мутной чистую воду' (Васнецов 11). Ср. также калуж. *бала-мúтка* 'взбаламученная жидкость, напиток' (Филин 2, 71).

Семантическая модель ‘мутиться’ → ‘становиться пасмурной (о погоде)’ подтверждается для этого гнезда существованием в рязанских говорах (д. Деулино) глагола *мутиться* ‘становиться пасмурным, хмурым (о погоде)’, безличн. *мұтиться* «Мұт'ица, мұт'ица, а дож'ж'ику н'ет, фс'о пасохла» (Деулинский словарь, 302). Ср. также близкое семантически, записанное в Волховском районе слово *тусклó* — «говор'а туч'a со фс'их сторон»¹⁷, родственное сербохорв. *натуштити се* ‘покрыться облаками’ (Фасмер IV, 126). Ср. также донск. *тумáн* ‘летняя туча’ (Донск. словарь III, 164).

чеклák

Слово *чеклák* с пометой «тверское» и значением ‘незамерзающая полынья, маина’ приводится В. И. Далем (Даль³ IV, 1298). Фасмер считает слово темным (Фасмер IV, 325).

Тверское *чеклák*, как и его синоним *маина*, для которого предполагается заимствование из финского *mainas* ‘большая полынья’ (Фасмер II, 559), может представлять собой заимствование. В украинских говорах (Нижнее Поднестровье) записано слово *чатлак* ‘широкая трещина на льду, которая образуется от напора воды, когда ветер пагоняет ее из моря в лиман’¹⁸. Формальная и семантическая близость твер. *чеклák* и укр. диал. *чатлák* очевидна.

Вероятно, слово *чатлák* в укр. было заимствовано из тюркских языков (крымско-татарского?). Ср. тур., крым.-татар. *чатлак* ‘треснувший, лопнувший’, ‘щель, трещина’ (Радлов IV, 1901). В татарских диалектах зафиксировано также *чаклак* ‘пропасть в болоте’¹⁹. Из украинского слово попало в русский язык.

шauш

В. И. Даль приводит слово *шauш* (*шáуш*) с пометой астрах., в значении ‘первый осенний пловучий лед, до рекостава; *шербóшь*, *шарáшь*, *шарш*, *шуга*, *сало*, *шун'* (Даль³ IV, 1408). В форме *шauш* представлено слово у Бурнашева со следующим объяснением: «В Астрахани то же, что у нас сало, а в Сибири шуга, т. е. тонкий осенний лед, несомый по реке перед замерзанием» (Бурнашев II, 349). В форме *сауш* с пометой урал. *находим* слово у Маштакова со ссылкой на Карпова, в значении ‘мелкий лед’: Когда его много, то под толстым льдом образуется «каша»²⁰.

М. Фасмер, ссылаясь только на Словарь В. И. Даля, пишет, что слово *шauш* связано с *шáрашь* (Фасмер IV, 414), что едва ли убедительно с точки зрения фонетики. *Шáрашь*, связываемое им вслед за Ильинским с *шарáхнуть* (там же, 408), в действительности этимологизируется как **sъrхъ* и связывается с *шершавый*²¹.

Если принять во внимание географию слова *шauш*: астраханские, уральские говоры, а также мену *c/w* в аплаунте, то можно предположить, что это — заимствование из тюркских языков. Такое предположение высказывает Е. Н. Шипова в Словаре тюркизмов в русском языке, приводя татар. (казан.) *шauшак* ‘только что образовавшийся лед’ (Шипова, 414).

согу́нныи

В Дополнении к Опыту областного великорусского словаря представлено слово *согу́нныи* в значении ‘туманный, иенасты’ с пометой том. (Дополнение к Опыту, 250). Это же слово приводит В. И. Даля с той же пометой и значением, только с вопросом к значению (Даль³ IV, 371). Слово *салгунныи* в значении ‘пасмурный, иенасты’ известно также новосибирским говорам: Как заслокатит, замокривица, говорят *салгунна* погода (Новосиб. словарь, 482). В этих же говорах записано слово *салгун* ‘пасмурный день’: Если солница нет, морок, то это *салгун*, пасмурный день (Там же). В форме *сангун* то же слово зафиксировано Элиасовым в забайкальских говорах в значении ‘прохладный ветерок, дующий с гор’: Жара дыхнуть нечем и вдруг *сангун* (Элиасов 366). Представляется возможным к этой группе родственных слов, заимствованный характер которых очевиден, присоединить и забайкал. *салгá* ‘морозный воздух, иней, пороша, снег, чуть-чуть покрывший землю’ (Там же, 365).

Учитывая географический ареал слов *(с)алгунныи*, *сал(н)гун*, *салгá*, который охватывает томские, забайкальские, новосибирские говоры, можно предположить, что источником заимствования могли быть тюркские языки.

В Татарско-русском словаре представлены такие, например, лексемы, близкие фонетически и семантически словам *с(а)олгунныи*, *сал(н)гун*: *салкын* ‘холод, мороз, стужа; холодный, морозный, студеный; холодно, морозно’, *салкынаю* ‘становиться (стать) холодным, прохладным; охлаждаться, охладиться; похолодание, охлаждение’²². В киргизском современном языке представлено слово *salqyn* ‘прохлада; прохладный’, *kyzsy gonur salqyn* ‘осенняя легкая прохлада’²³.

В Опыте словаря тюркских наречий Радлова представлено слово *салкып* в значениях: алт., телеут., куман. ‘сильный ветер’, кирг. ‘легкий ветерок во время жары; прохладный, холодноватый’, тур. ‘сырой, прохладный день’, казан.-татар. ‘холод, холодный’ (Радлов 4, 361—362); далее — джаг., таранч. *салкін* ‘прохладный ветер’, джаг. *салкун* — ‘ветер’ и т. д. (Радлов 4, 364).

вра́сень

Подвысоцким записан в архангельских говорах (пинежских, мезенских) глагол *врасить* в значении ‘инdevеть, покрываться инеем (то же, что куржаветь)’: «Говорят: на дворе *врасит* — ложится иней». «Отсюда, — пишет он далее, — *врасенец* ‘иней при ранних морозах, когда еще не выпал снег’; *врасень* ‘ранний мороз, заморозок’» (Подвысоцкий 22).

Даль дает слово *врасень* с пометой арханг. в значении более конкретном: ‘ранние морозы, заморозки, которые вредят хлебу’ и приводит еще прилагательное арханг. *врасной* ‘запинdevелый, куржавый’ (Даль³ I, 634). Эти лексемы известны только архангельским говорам русского языка. Первая попытка их этимологизации (связь

с *врёсень* ‘сентябрь’) сделана Далем: «*врásень* (отсюда *врёсень* ‘сентябрь?’)» (там же). Это мнение о возможности возведения названия сентября *вересень* к *врásень* проникло в популярную биологическую литературу и нашло отражение на страницах журнала «Юный натуралист» в заметке фенолога Д. Зуева, причем сентябрь характеризуется там как «месяц первого инея»²⁴. В действительности же и фонетически и семантически затруднительно вывести *вересень* ‘сентябрь’ из *врásень*, тем более, что существует общепринятая точка зрения о том, что *вересень* связано с *вереск*, т. е. это месяц цветения вереска. М. Фасмер предложил иную этимологию *врásень*: «Возможно, из *въ-и rosa?*» (Фасмер II, 360). Эта этимология не лишена известных оснований: ранние морозы, иней (особенно на почве) очень похожи на белую застывшую росу, но нам хотелось бы все же указать иные пути этимологизации этого слова.

Очень заманчиво сближение арханг. *врásить*, *врásень*, *врásенец*, *врасной* с цслав. *враска* ‘морщина’ < праслав. **vorska*, восходящего в свою очередь к и.-е. **uer-* ‘разрывать, царапать’ (Pokorný I, 1163), но здесь пришло бы объяснять исчезновение суффиксального *k* и неполногласие, характерное для церковнославянского. С точки зрения семантики все логично, т. к. ранний мороз, иней, который бывает в сентябре до снега, ложится на почве белыми морщинами.

Мы можем также предположить, что арханг. *врásить* — довольно позднее образование, представляющее собой интенсив (или расширение) от незасвидетельствованного **врать*. Ср., например, псков., тверск., осташк. *меркасáть* ‘заслонять свет, мелькать перед глазами, двигаясь вперед и назад’, псков., смол., пенз. ‘моросить’ (Филин 18, 119, 120) при арханг. *меркáть* ‘смекаться’ (там же, 119), псков. *моргасáть* безл. ‘моросить, идти временами (о мелком дожде)’, ‘о переменной погоде, когда мелкий дождь сменяется мокрым снегом’ (Филин 18, 255) при *моргáть* ‘моргать’.

Каковы же этимологические связи постулируемого глагола **врать*, каково его значение и какое отношение он имеет к рус. *врать* ‘лгать’?

Ж. Ж. Варбот пишет, что рус. *врать* не имеет точных соответствий в других славянских языках и фиксируется в памятниках с XVI в. На основании этого данный глагол в последнее время рассматривался как новообразование русского языка, восходящее к *върѣти* ‘кипеть’ (версия Хольмера) или *-вереть* ‘совать, запирать’ (версия Вайяна). Варбот принимает последнюю версию, как наиболее правдоподобную²⁵.

Исходя из значения *врásить* ‘инdevеть’ (< *‘морозить’), можно предположить, что значение **врать* могло быть также *‘морозить’. Ср. *мороз* ‘иней’ (Деулинский словарь 297).

Нам кажется, что **врать* *‘морозить’ и *врать* ‘лгать’ можно отождествить. Сочетание значений ‘лгать’ и ‘морозить’ вполне допустимы. Ср. у Даля *Полно тебе *морозить* ‘лгать, врать или хвастать’ (Даль³ II, 909). Равным образом, и у *врásить* ‘инdevеть’ (< *‘морозить’) также могло быть значение ‘лгать’, на это, возможно, указывает арханг. *врасня* ‘ложь, неправда; лгун, враль’ (Филин 5,

188), также волог. *врásъя* ‘лгун, лгунья’, север. ‘говорунья, болтуня; балагурка, рассказчица, шутница’ (там же). Интересно, что эти образования распространены в архангельских же и близких вологодских говорах.

Согласно приведенному выше мнению Хольмера *вратъ* ‘лгать’ (а мы допускаем у этого глагола еще и значение *‘морозить’) могло быть новообразованием от *върѣти* ‘кипеть’. Здесь можно опираться на хорошо известную славянским языкам семантическую модель ‘кипеть’ → ‘морозить’. Ср., например, блр. диал. *кіпун* ‘сильный мороз’ (Юрчанка. Нар. вытвор. сл. 273), *кіпенець* ‘очень сильный мороз’ (Тураўскі слоўнік II, 191), рус. диал. (яросл.) *попаліть* ‘заморозить, переморозить (о растениях)’ (Мельниченко 158). Здесь уместно вспомнить приведенное выше значение слова *врásень* ‘ранний мороз, заморозок, в р е д я щ и й х л е б у’. Ср. также рус. диал. *плит*, говорится о стуже, морозе (Даль³ III, 318), болг. диал. *изгоря* ‘поморозить (об инее)’, *попарвам* ‘морозить (об инее)’²⁶, наконец, польск. *oswarzyc* ‘легко охватить морозом’ (Варшавский словарь III, 915) и т. д.

Интересны также значения н.-луж. *zewrēš se, zewrēš se* ‘увариваться, сгущаться, сжиматься, сворачиваться, оседать, скисать (особенно: о молоке); сседаться, сворачиваться, съежиться, сморщиться от жары или мороза (о цвете и листьях)’ (Muka II, 974), восходящего к праслав. **vъrѣti* ‘кипеть’.

В случае возведения *вратъ* к **verti*, **vъrg* ‘запирать, вязать, нужно предположить семантический переход ‘вязать’ → ‘морозить’ (‘плести, образовывать складки, узоры (на земле)’ или же ‘вязать’ → *‘скреплять’ → ‘морозить?’). Ср., например, блр. диал. *крапун* ‘мороз’ (Янкоўскі II, 115), *крэпнуць* ‘коченеть от холода’²⁷.

В архангельских говорах представлено также слово *варасá* ‘ножная боль с опухолью, от стужи, простуды’ (Даль³ I, 403; слово приводится с вопросом); возможно, это слово связано с *врásить* *‘морозить’, но в этом случае трудно объяснить расхождения в вокализме слов.

чáта

Слово *чáта* в значении ‘буран’ записано в белорусских говорах Новогрудчины в следующем контексте: У наших краёх *чата* рэтко бывая але калі ўжо пачнецца — вельми страшно²⁸. В значении ‘темная туча с дождем и ветром’ слово *чáта* встречается также в белорусских говорах на территории Польши (AGWB, рукопись).

Прежде всего следует сказать о том, что наблюдаемое у слова *чáта* сочетание значений ‘буран’ и ‘темная туча с дождем и ветром’ — не единичный факт в славянских языках. Так, в украинском языке слово *туча* имеет следующие значения: ‘гроза’ (Гринченко IV, 298), буковин. ‘град’²⁹, одесск. ‘очень сильный дождь, ливень’³⁰, закарп. ‘буря’ (Чучка), правобер.-полесск. ‘проливной дождь’, *тучний дождь* то же (Никончук 104), ср. кашуб. диал. *tača* ‘радуга; проливной дождь; дождевая туча’ (Sychta V, 332), а также рус. диал. (самар.) *буря* ‘туча’ (Филин III, 301).

В этимологическом словаре польского языка Славского при анализе польск. *czata* 'разведка, стража' (с XVII в.) вместе со словац. *čata* 'рать', укр. *čáta* 'наблюдательный пост, дозоры', словен. *čata* 'засада' определяется путь заимствования из венг. *csata* 'битва, встреча, толпа, полчище' (вслед за Зарембой) (Sławski I, 114). Р. Смаль-Стоцкий, впрочем, считает, что источником украинского и польского слов является турец. *cháti* 'остов крыши' («если основываться на укр. *лежáти на чатах* 'быть на форпосте'. 'сторожить', *i tu*, *стояти на чати* 'быть, стоять на форпосте?»)³¹.

Нам кажется, что первая этимология из венгерского *csata* 'битва, встреча, толпа, полчище' более реальна. Нельзя ли присоединить сюда и бlr. dial. *čáta* 'буран; темная туча с дождем и ветром'. Во всяком случае, мы не должны исключать для этого белорусского диалектного слова возможности заимствования, тем более, что 'буран' и 'битва' — значения, близкие между собой.

Нельзя, однако, исключать и возможности других этимологий для бlr. dial. *čáta*. Так, не исключено, что его можно связать со смолен. *acáta* 'гурьба': Пайдуть хлопцы *acatymo* (Добровольский 17), ср. с точки зрения семантики польск. dial. *wataha*: *wataha to duža, češka* *χmara*³². Это смоленское слово также может примыкать к украинскому, польскому, словацкому и словенскому словам, заимствованным из венгерского, ср. слвц. *čata* 'рать'. Но известно и толкование из праслав. **četa*, «первоначально группа определенного количества» (ЭССЯ 4, 92).

Наконец, можно исходить для бlr. dial. *čáta* из хорошо известной славянским языкам модели: 'недомогание' → 'плохая погода'. Ср. рус. dial. (нижегор.) *хилина* 'ненастье', а также, например, словен. *mr/éti* в значениях ' чахнуть' и 'моросять' (Хостник, 119). При этом обращает на себя внимание ср.-обск. *чать* 'болезнь огурцов: желтые пятна на огурцах' (Словарь Оби 3, 220), с которым, видимо, связано бlr. dial. *čátnică* ' чахнуть; хиреть; приходить в упадок', *čátninne* ' чахлость, хилость', *čátnica* безл. от *čátnică* (Юрчанка, 219), *зачатніаць*, *зачатніаца* ' начинать хворать, слабеть, худеть': Як прываліўся пад лёд, посылі тога і стаў зычátnivиць, ён дужа пірікалеў тады (Юрчанка. Нар. вытвор. сл. 227). Сюда же, вероятно, польск. dial. (кочев). *čačnec, čačn'eje* 'о картофеле и овощах: увядать'. Comp. *vičačnēć* 'высохнуть, увяять; о жидкостях: выветриться, улетучиться' (Sychta. Słown. kociewskie I, 77).

В связи с невыясненной до сих пор этимологией приведенных выше слов любопытен тот факт, что с.-хорв. *čajët čajít* 'томиться, тосковать, исчезать' Праславянский словарь (Краков) и Этимологический словарь славянских языков — О. Н. Трубачев (Москва) относят к праслав. *čajati* 'ждать' (Słownik prasłowiański II, 107—108, ЭССЯ 4, 11), причем, в последнем словаре оговаривается оригинальность семантического развития сербохорватского слова. Нельзя ли предположить возможность семантического развития: 'ждать, тосковать' → 'сохнуть, исчезать' → ' чахнуть'? Говорят: «Она по нем *сохнет* (чахнет)». т. е., тоскуя, чахнет. В связи с этим интересно также значение псков. *зачайтъся* 'излечиться' (Филин 11,

171). В статье о праслав. *čaxnqti, которое отождествляется с праслав. *čaknqli 'ударить, сломать', О. Н. Трубачев в качестве семантической аналогии приводит лит. džiāuti 'ударять; сушить', этимологически родственное лтш. ġaugtiēs 'надеяться, ожидать' (ЭССЯ IV, 14). Этот пример любопытен также тем, что демонстрирует соседство значений 'супить' и 'надеяться, ожидать' в одном этимологическом гнезде.

Все сказанное выше, как нам кажется, позволяет отнести наше *čatn̩eti 'сахнуть, увидать, чахнуть, хиреть, слабеть, приходить в упадок' к праслав. *čajati 'ждать', тем более, что авторами Краковского Праславянского словаря выделяется также праслав. форма *čati (наряду с *čajati). Возможно, *čati также могло иметь значение ' чахнуть', от него могли быть образованы и *čata 'недомогание, чахость, хилость' и *čatъ 'болезнь огурцов: желтые пятна на огурцах'. На существование прайформы *čati, возможно, указывает и арханг. чатый (чатое дело) 'чаянное, ожиданное' (Даль³ IV, 1294).

Примечания

- ¹ Кукушкина О. Б. К истории слов гололедица, гололед, колоть, ветля, обливень. — В кн.: Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Л., 1971, т. 452. Брянские говоры, 31.
- ² Там же.
- ³ Паникаровская Т. Г. Диалектная глагольная лексика общеславянского происхождения в говорах Вологодской группы севернорусского наречия. — В кн.: Лексика и фразеология севернорусских говоров. Вологда, 1980, 75.
- ⁴ Меркулова В. А. Украинские этимологии I. — В кн.: Этимология 1973. М., 1975, 58—60.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Горячева Т. В. Этимологические заметки (Некоторые продолжения праслав. *kъrz-; русск. диал. слеть). — В кн.: Этимология 1976. М., 1978, 61—63.
- ⁸ Иванова А. И., Кустарева М. А., Моисеев В. А. Материалы для «Смоленского областного словаря». — В кн.: Учен. зап. Смоленск. ГПИ. Кафедра русского языка. Смоленск, 1958, IX, 121.
- ⁹ Тешић М. Говор Јештанског. — В кн.: Српски дијалектолошки зборник. Расправе и грађа. XXII. Београд, 1977, 281.
- ¹⁰ Картотека ЭССЯ. Выписка для картотеки сербохорватского языка В. Михайловича (без указания источника).
- ¹¹ Горячева Т. В. Этимологические заметки. — В кн.: Этимология 1981, М., 1983, 76.
- ¹² Онышкевич М. О. Словарь бойковского диалекта. — В кн.: Славянская лексикография и лексикология. М., 1966, 84.
- ¹³ Могила О. А. Ареальна і структурно-семантична характеристика назв хмар у говорах української мови. — В кн.: Українське мовознавство. Київ, 1981, т. 9, 122.
- ¹⁴ Приймак І. І. До особливостей місцевої лексики північнохідніх районів Сумської області (Матеріали до словника українських говорів). Нова Каховка, 1957, 7.
- ¹⁵ Трухан Т. М. З дыялекtnай лексікі роднай вёскі. — В кн.: Жывое слова. Мінск, 1978, 150.
- ¹⁶ Климчук Ф. Д. Специфическая лексика Дрогичинского Полесья. — В кн.: Лексика Полесья. М., 1968, 21.
- ¹⁷ Диалектологический атлас русского языка (Ин-т рус. яз. АН), картотека.
- ¹⁸ Дзиензелівський І. О. Словник специфічної лексіки говірок нижнього Подністров'я. — В кн.: Лексикографічний бюллетень, Київ, 1958. вип. VI, 53.
- ¹⁹ Боршанова Н., Якупова Г. Диалектологик сүзлек. Казан, 1953, 213.

- ²⁰ *Маштаков П. Л.* Материалы для областного водного словаря. Л., 1931, 100.
- ²¹ Картотека ЭССЯ. Реконструкция В. А. Меркуловой.
- ²² Татарско-русский словарь. М., 1966, 464—465.
- ²³ *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь. М., 1940.
- ²⁴ *Зуев Д.м.* Месяц первого инея. — Юный натуралист, 1982, № 9, 48.
- ²⁵ *Варбом Ж. Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен IV (**tipati*, **piščati* II и **piščalъ* II, **vyrati* и **varati*, **sokorъ* и **sočiti* II). — В кн.: Этимология 1977. М., 1976, 39—41.
- ²⁶ *Зеленина Э. И.* Сравнительный тематический словарь трех болгарских сел Молдавии. — В кн.: БД X, София, 1981, 71, 80.
- ²⁷ *Яунеевич М. З* лексіки вёскі Кліны. — В кн.: Матрыйлы для слоўніка народна-дialektнай мовы/Пад рэд. Ф. Янкоўскага. Мінск, 1960, 32.
- ²⁸ *Аляксейчик Г. М.* З дыялекцнай лексікі Навагрудчыны. — В кн.: З народнага слоўніка. Мінск, 1975, 73.
- ²⁹ *Прокопенка В. А.* Областной словарь буковинских говоров. — В кн.: Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972, 466.
- ³⁰ *Москаленко А. А.* Словник діалектізмів українських говірок Одеської області. Одеса, 1958, 72.
- ³¹ *Смаль-Стоцький Р.* Українська мова в етимологічному словарі Е. Бернекера. — *Slavia* 5, 1926, 25.
- ³² *Kupiszewski W.* Słownictwo meteorologiczne w gwarach i historii języka polskiego. Wrocław etc. 1969, 21.

Р. Мароевич *

ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИЧЕСКОМУ СЛОВООБРАЗОВАНИЮ. 3—4

3. О праславянском суф. *-vјь* и прилагательном *božvјь*

1. Праславянский язык, как отмечает Мейе, унаследовал из индоевропейского языка суффикс прилагательного *-jo, *-ijo. Различие в значении прилагательных, образованных с помощью суф. -*vјь* и -*vјь* (которые по происхождению являются вариантами одного и того же суффикса), Мейе сформулировал так: суф. -*vјь* служит для образования прилагательных, которые обычно означают принадлежностьциальному лицу, а не коллективу, тогда как прилагательное с суф. -*vјь* часто имеет более широкое значение¹.

По мнению М. Бродовской-Гоновской, суф. -*vјь* и -*vјь* в старославянском языке были функционально идентичными. Можно констатировать формальное различие между ними, а также их различную продуктивность (большинство зафиксированных примеров с формантом -*vјь*)².

Проблему соотношения суффиксов прилагательных -*vјь* и -*vјь* на материале древнерусских памятников пыталась решить С. В. Фролова. Ее основные выводы таковы.

Первое. В кругу прилагательных, образованных от нарицательных существительных, которые обозначают существа («со значением

* © R. Marojević, 1985.